

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности

Любое заимствование — будь то литературный сюжет или лексика — интересно не только с точки зрения своего происхождения. Зачастую заимствования помогают создать более четкое представление о той историко-культурной ситуации, в которую они были включены. С этой точки зрения мы предлагаем некоторые наблюдения над двумя натурфилософскими фрагментами, содержащими арабские названия планет.

В 1862 г., публикуя «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», А. В. Горский и К. И. Невоструев особо выделили следующий текст:

«А в звѣздахъ тако намъ повѣдаеть, яко звѣзды исподн сѣтъ подъ твердію, ниже двою частью высоты небесныхъ движими, вбращаеми w(т) слѣжвы чина невидимыхъ силъ, надъ нимиже есть седмъ плани(т), рекша и полси. Ѡѣ же звѣзды ходать предъ солнцамъ и по солнщи седмъ. Зѣгель ходать три лѣта а понлъ, мощиръ едно лѣто, емерихъ четыредесать пла(т) дни, въ шимесь м(е)с(а)цъ, Ѡзѣгра два лѣта и патъ дни, w оутен(Ѡ)ъ восьмъ дни, яко мамаръ два дни. Тѣ же ѡбо звѣзды не сѣтъ везъ лѣпоты, по всѣмъ ч(е)л(ов)ѣкомъ въ знамениа сѣтъ и птицамъ, и звѣремъ земнымъ».¹ Этот фрагмент был обнаружен в рукописи № 231, XVII в., определенной авторами описания как «Собрание слов на св. Четырдесятницу и на воскресные дни целого года». На л. 104 рукописи помещено: «В понедельник четвертыя недели свягаго Поста слово от Шестодневца о небесныхъ силахъ», где объясняется фрагмент книги Бытия о первых четырех днях творения. В конце этого «Слова от Шестодневца» (далее: Слово) ими и был обнаружен приведенный текст. Описание, кроме того, указывает, что названия небесных тел заимствованы из арабского языка: *suhhel* — Сатурн, *muschtan* — Юпитер, *mirih* — Марс, *schems* — Солнце, *zuhara* — Венера, *katara* — Луна² (добавим: Меркурий — *utuarid*). Аналогичный отрывок А. В. Горским и К. И. Невоструевым был отмечен в рукописи XVII в. № 232 того же собрания.

Сразу отметим, что сборник, из которого взят фрагмент о планетах, — Златоуст. Интересующий нас текст содержит постные и годовые Златоусты в списках XV—XVII вв. В таких близких к Златоусту памятниках, как Торжественник или Измарагд, данного текста нет.

¹ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. С. 91—92.

² Там же. С. 92.

Спустя два с лишним десятилетия после выхода «Описания...» к анализу этих названий обратился Ф. Миклошич, который согласился с арабским их происхождением и, ссылаясь на словарь турецкого языка, высказал тем самым свое мнение о языке-посреднике, какковым он счел османско-турецкий.³ Языком-реципиентом Миклошич назвал «старославянский», что, по мнению исследовательницы М. Рачевой, у Миклошича контекстуально соответствовало термину «староболгарский».⁴

Подводя итоги более чем столетней истории вопроса, М. Рачева предположила, что заимствование осуществилось не в Болгарии, а на Руси, и это в самом деле кажется правдоподобным. Но исследовательницей было высказано мнение об устном характере заимствования, посредством персидского и какого-либо из тюркских языков Поволжья.⁵ С этим трудно согласиться.

Аргументируя точку зрения об устном заимствовании, М. Рачева обращается, в частности, к таким формам, как *ѣсѣгра* и *фѣтенѣ* (данное чтение находится в рукописи № 232). Восходят они соответственно к арабским *zuħara* (Венера) и *utuqrd* (Меркурий). М. Рачева высказывает предположение, что сочетание *ѣс* первого слова соответствует звуку «д», образовавшемуся на месте первоначального «z». Во втором слове начальная губной отражает арабское наименование Меркурия, потерявшее вследствие элизии начальную фарингальную фонему. В результате этой обычной для Востока фонетической операции слово, по мнению исследовательницы, стало начинаться переднеязычной согласной, что и отразили русские памятники. Интерпретируя слова-монстры подобным образом, она делает вывод об устном пути их проникновения на Русь.⁶

Материал для возражения М. Рачевой дает исследование А. В. Чернецова о древнерусских знаках небесных светил, где он, среди прочего, учитывает данные Златоуста XV в. (РНБ, Погодинское собр., № 943). А. В. Чернецов приводит так называемую «неполную серию» астрономических значков, читающихся в этой рукописи перед названиями планет.⁷ Традиция указывать символы планет пришла на Русь из Византии, и, как показывает работа А. В. Чернецова, бытование ее здесь не было особенно успешным. Если мы сопоставим символы планет в Погодинском Златоусте с загадочными буквами рукописей XVI—XVII вв., то убедимся, что эти явления связаны. Перед названием Солнца («*шиметь*») стоял знак *⸔*, легко принимаемый за «*Ѧ*»; перед Венерой («*зѣгра*») — *⸚*, в иных рукописях принимающий форму, близкую к фите или знаку *§*; перед Меркурием («*лѣтенѣ*» и «*фѣтенѣ*») стоял *⸞*, похожий и на «*Ѧ*», и на «*Ф*». Итак, можно сделать вывод, что странности в названиях планет с фонетикой никак не связаны.

Обратимся к самому Слову, приуроченному к понедельнику четвертой недели Великого поста. Первое, что необходимо отметить, — его несомненное сходство с начальной частью Толковой палеи (далее: ТП). Сходство это касается преимущественно фрагментов ТП, представляющих лаконичную информацию, но не распространяется на толковательные пассажи. В преде-

³ Miklosich F Die turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen // Denkschriften der Akademie der Wissenschaften Philos.-hist Classe Wien, 1884 Bd 34 S 325 Wien, 1885 Bd 35 S 164 183 Wien, 1889 Bd 37 S 85, 88, Wien, 1890 Bd 38 S 69

⁴ Рачева М Към ранните заемки от арабски произход в славянските езици няколко редки астрономически названия — заемки в старобългарски или в староруски език? // Старобългаристика София, 1981 Т 5 С 78

⁵ Там же С 84

⁶ Там же С 81—83

⁷ Чернецов А В Древнерусские знаки небесных светил // Краткие сообщения Института археологии М, 1986 Вып 187 С 3—8

лах указанных фрагментов сходство памятников дословное. Соответствия Слова ТП отмечаются от начала ее текста до таблицы лунных фаз.

В свое время, устанавливая источники ТП, В. М. Истрин привлек к анализу фрагмент Златой Матицы, озаглавленный «Слова избранныя от книги, глаголемыя от святых».⁸ Эта статья содержит ряд астрономических сведений, приведены в ней также описания зверей на основе Физиолога. Вся статья Златой Матицы, несомненно, связана с ТП. Описанный В. М. Истриным тип отношений ТП и Златой Матицы (а он считал, что ТП здесь вторична) соответствует отношениям ТП и Слова в рамках оппозиции сокращения—распространение—в зависимости от того, какой из текстов считать первичным (как известно, тезис В. М. Истрина об использовании Златой Матицей и ТП общего источника был поддержан не всеми исследователями).

Можно высказать догадку, что естественнонаучные тексты Златой Матицы и Златоуста являются двумя частями одного памятника, как бы ни решался вопрос об их отношении к ТП. В ТП указанные тексты следуют один за другим: открывает ее фрагмент, обнаруженный в Златоусте, а продолжает—текст, известный по Златой Матице. Разделены они в ТП лишь таблицей фаз луны, не вошедшей ни в Златоуст, ни в Златую Матицу. Исследование Слова, принципы составления которого соответствуют принципам текста в Златой Матице и которое предшествует тексту Златой Матицы, может дать материал для окончательного разрешения вопроса о первичности или вторичности ТП.

Вот все, что нам пока известно о Слове, в составе которого найдены арабские наименования планет. Какое же место занимают они в Слове? Обратимся к первичным источникам Слова, анализируя их в данном случае не с источниковедческой, а с содержательной точки зрения. Небезынтересен контекст, в котором оказались арабские заимствования. Контекст как в прямом смысле, так, пожалуй, и в переносном, историко-культурном. Не считая двух небольших фрагментов неизвестного происхождения, источники Слова совпадают с палеяными. Это сочинение Дионисия Ареопагита, Севериана Гевальского, Епифания Кипрского, Козьмы Индикоплова, Иоанна Дамаскина, Иоанна Экзарха. Фрагмент с арабизмами продолжает сообщение о местоположении звезд, состоящее из двух частей. Первая из них—«а о звѣздах тако <...> невидимыхъ силъ»—взята из 9-й главы Христианской Топографии Козьмы Индикоплова. Рассматриваемая выписка является кратким изложением космографических воззрений Козьмы, считавшего Землю плоским прямоугольником, над которым ангелы перемещают звезды (или планеты: ни то, ни другое не было термином, ибо подразумевало небесное тело вообще). Звезды находятся под небесной твердью, земная твердь лежит в океане, на севере земли возвышается гора, за которую в своем вращении заходят небесные тела. Выражение «ниже двою частью высоты небесныя» означает локализацию планет на втором небе. Дело в том, что в одном из иудейских преданий говорилось о существовании трех небес: облачного, звездного и высшего, на котором находится престол Божий. Иное иудейское предание говорило о семи небесах. Козьма принадлежал к традиции, ограниченной тремя небесами на основании 1—4-го стихов 2-го Послания к коринфянам апостола Павла, где рассказывается, как апостол (речь о нем идет в третьем лице) был поднят к третьему небу.

Вслед за заимствованием из Христианской Топографии следует упоминание о поясах неба, которое восходит к «Точному изложению православной

⁸ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. Часть 5 // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 2. С. 477—478.

веры» Иоанна Дамаскина. В 6-й и 7-й главах второй книги с известной дистанцией («говорят») Дамаскин приводит элементы геоцентрической системы Птолемея. Он сообщает, что существует 7 поясов неба, один над другим. На каждом поясе находится планета, и движутся они в сторону, противоположную движению неба.⁹ Драматизм сосуществования описанных фрагментов состоит в том, что взяты они из двух взаимоисключающих учений. Иоанн Дамаскин, как следует полагать, не отрицал Птолемеевой системы, утверждавшей сферичность неба и Земли. Козьма Индикоплов, напротив, эту систему опровергал, гневно обличая мысль о существовании «антиподов» («противноходцев» в славянском переводе) — людей, ходящих по обратной стороне Земли вниз головой: «О противу ногама стоящих: ни рещи, ни слышати о сих кощонахъ».¹⁰ Мнение Козьмы отразилось и в Слове: «Молвять бо нѣии баснословци, яко под землею течеть солнце и луна и с прочими звѣздами. Иже бо првѣии здавше столпъ и на высотѣ бывше, и всеу ума своего блазнишися, видѣвша свѣтилна и звѣзды овы приходяща, овы отходяща и обращающася, мнѣша круглообразну быти небу».¹¹ Отстаивая точку зрения, согласно которой небо подобно шатру, Козьма апеллирует к 103-му псалму, где сказано: «...пропиная небо, яко кожу». Из предшественников Козьмы таких же космографических взглядов придерживался Иоанн Златоуст.

Соединение разных систем в тех их частях, где противоречие не столь очевидно, не редкость в древнерусской книжности. Можно, к примеру, указать список Христианской Топографии из РГБ, ф. 310, № 191, где на л. 155 об. читается фрагмент о небесных поясах по Дамаскину.

Такова структура текста, предваряющего перечисление планет. Само перечисление указывает время пребывания небесных тел в одном из 12 знаков зодиака. Периодами пребывания планет в «доме» (знаке зодиака) обычно оперировали астрологические сочинения, пытавшиеся по расположению планет в том или ином «доме» «указать» благоприятные и неблагоприятные времена. Непосредственного источника, сочетавшего бы подобную информацию с арабскими наименованиями, мы назвать не можем. Аналогичные описания содержатся в ряде астрологических сочинений, бытовавших на Руси позднее, в частности в «Великой и предивной науке Раймунда Лулия». Вместе с тем нам удалось найти сходное описание и в рукописи XV в. астрологического содержания (РНБ, Погодинское собр., № 1032). На л. 13 рукописи помещена статья «О планитах», где астрономические сведения сохранились в более исправном виде, чем в Златоусте. Вместо «три лѣта а понлъ» там читается «полтрет<аго> лѣта», вместо «два лѣта и пять дни» у Венеры читается «днии ке». Впрочем, ни в одном из текстов подобного типа арабизмы нам не встречались. Что касается арабских наименований в Слове, то к сказанному о них можно лишь добавить, что выделявшиеся исследователями особые сочетания «яко мамар» или «юмамар», восходящие к арабскому *qamar* (Луна), объясняются палеографически на основе ранних списков Слова. В более исправном тексте читается: «и днию мамарь», т. е. «дни» в творительном падеже, где «ю» (в других списках сходное с ним *га*) примыкало к последующему слову. В отношении данного фрагмента отметим также, что последнее предложение «Тѣ же чю звѣзды <...> и звѣрем земнымъ» несомненно связано с текстом ТП. В ТП этот текст распространен.

Помимо «Слова о небесных силах» арабские наименования планет нам удалось обнаружить еще в одном памятнике. Это Краткая хронографиче-

⁹ PG. Parisiis, 1860. Т. 94. Р. 881, 889.

¹⁰ Книга глаголемая Козьмы Индикоплова. СПб., 1886 С. 34. Здесь и далее орфография примеров упрощена.

¹¹ БАН, Беломорское собр., № 4, л. 84 об.

ская палея, представляющая, в сравнении с ТП, сокращенный текст.¹² Интересующий нас текст находится в части, посвященной четвертому дню творения:

«А звѣзды исподи сѹть под твердию, ниже двою частью высоты небесныа движими и обращаеми невидимыми чиньми аггелъ, над неюже есть ѿ планидъ. а планида нарицается Крогъ Зугалъ сѹбота, идѣже есть престолъ Божин; б планида Зеусъ Мешетрѣи четвергъ; г планида Арнс Мехирь вторник; д планида Шемось Волнце, тѹ есть неделя; е планида Афродитъ Зугра пѹток, на сеи планиде зарѹница звѣзда; ѿ планида Гермисъ Одаридъ среда; з планида Каморъ, идѣже есть Лѹна понеделникъ, под сею планидою звѣзды ѹтвержень» (БАН, 24.5.8, л. 5).

Сравнивая этот отрывок с текстом, приведенным выше, отметим сходство названий планет по всем позициям, кроме Марса (араб. *miṣṣā*). В Краткой палее: «мехирь». «Мехирь» или «мехейр» — это месяц александрийского календаря, в основном соответствующий февралю, и в данный перечень он попал случайно. Но «мехирь» упоминается в ТП. Эта ошибка по созвучию наводит на мысль, что арабские названия включались человеком, хорошо знавшим ТП, а именно — составителем Краткой палеи. О том, что арабизмы попали в Краткую палею уже в процессе создания памятника, а не позднее, говорит и наличие их во всех списках Краткой палеи. Символы планет арабские названия Краткой палеи, очевидно, не сопровождали. Из указанных особенностей арабской лексики в обоих текстах следует, что ни один из перечней планет не находится в зависимости от другого: в Краткой палее нет следов планетных символов, в Слове название Марса дано верно.

Оба фрагмента имеют сходное заимствование из Христианской Топографии об ангелах, вращающих звезды, что вызвано связью обоих памятников с ТП. Можно отметить, кстати, что есть еще один текст, в котором заимствование из Христианской Топографии дано в версии ТП, соединившей два фрагмента 9-й главы. Это славянский перевод самой Христианской Топографии, но только не в основном тексте, а в подписи к миниатюре, изображающей скрижали, трапезу, жезл Аарона и семисвечник.¹³ В греческой традиции подобная запись нам неизвестна. С нашей точки зрения, в данном случае имеет место вторичное заимствование из ТП.

Но вернемся к фрагменту Краткой палеи. Несмотря на сходство в части, восходящей к Христианской Топографии, перечисление планет в ней отличается от перечня Слова. На первой позиции Краткая палея дает обычное для древнерусской книжности греческое название планеты, на второй — арабское, а на третьей — название дня недели.

Название дней по планетам пришло во II в. н э.¹⁴ На основании свидетельства Диона Кассия происхождение планетарной недели принято связывать с эллинистическим Египтом. Вопрос о том, почему порядок следования дней не соответствует порядку планет, поднимался еще в древности. Ответ здесь связан с тем, что первоначально возникло представление о господстве планет над отдельными часами. Этим объясняется правило эллинистических астрологов считать господствующей планетой дня ту планету, которая господствует над первым его часом.¹⁵

¹² См. Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы СПб 1906 Т. 1. С. 131–139.

¹³ Книга глаголемая Козмы Индикоплова С. 176.

¹⁴ Ginzler F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie Leipzig 1914 Bd. 3. S. 297.

¹⁵ Paulvs Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft Stuttgart 1950 Bd. 20 S. 2143–2144.

Легко заметить, что Краткая палея дает перечень планет в Птолемеевом порядке, и к астрологическим изысканиям данный текст не имеет отношения. Здесь, впрочем, следует оговориться, что современные полуса астронимия—астрология вряд ли применимы к средневековью, не знавшему такого четкого разделения. Проба на «астрологичность» не сводима к одному лишь порядку планет. Например, в «Точном изложении православной веры» Дамаскина один раз планеты перечислены в связи с днями недели (6-я глава второй книги). А рукописи РНБ Q.XVII.56 и приводимая А. И. Соболевским № 222 Виленской публичной библиотеки, передавая сходный текст астрологического содержания, придерживаются разного порядка перечисления планет.¹⁶

Все эти примеры соединений текстов и позднейших вставок лишний раз показывают, сколь относительной была «чистота идеи» в средневековье. В условиях отсутствия авторского сознания и иммунитета текста в отношении последующих добавлений относительную стабильность сохраняли лишь тексты, пребывавшие в так называемой «контролируемой текстологической традиции», — главным образом Священное Писание. Тексты натурфилософского содержания часто соединялись с другими, сходными (или не очень), пополнялись новыми сведениями. Так, некоторые рукописи сочинения Дамаскина, перечисляя планеты, указывают связанные с ними металлы.¹⁷

Завершая рассмотрение памятников с арабскими названиями планет, выскажем свою точку зрения относительно времени и пути проникновения этой лексики на Русь. Как считают исследователи Златоуста, формирование этого памятника на основе триодного четвѣго сборника относится к концу XV в.¹⁸ Формирование это происходит, в частности, за счет включения новых текстов для будних дней, к каковым относится и понедельник четвертой недели Великого поста. Составление Краткой палеи поддается датировке с трудом (2-я половина XIII—XV вв.¹⁹ По нашим наблюдениям, время создания Краткой палеи лежит ближе к XV в.). Ни один из источников обоих памятников арабских наименований не содержит. Из этого следует предположение, что появление этой лексики на Руси можно относить к XV в.

Основой для астрологических выкладок могли послужить расчеты Клавдия Птолемея. Это, кстати, объяснило бы и наличие арабизмов. Как известно, греческий текст сочинения Птолемея «Альмагест» (искаженное Μεγάλη δόρυξίς), написанного им в 150—160 гг., впоследствии затерялся и не был известен в Европе до XV в. Для средневековья это сочинение сохранил арабский перевод, выполненный в 825 г. С Альмагестом Европа знакома считалась через переводы с арабского. Важнейшим этапом такого знакомства считается 1252 г., когда по распоряжению кастильского правителя Альфонса X еврейскими и мавританскими учеными были составлены астрономические таблицы. Разумеется, без знания текста-посредника в нашем случае возможна лишь пунктирная линия. В качестве аналогии можно упомянуть такое энциклопедическое сочинение, как «Тайная Тайных», возникшее на арабском языке. Восточное влияние на Русь шло с Запада. Как отмечает Д. С. Лихачев, «среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком».²⁰

¹⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков СПб. 1903 С. 425

¹⁷ РГ Т. 94 Р. 889

¹⁸ Творогов О. В., Черторицкая Т. В. Златоуст // Словарь книжников. Вып. 2 ч. 1 С. 359

¹⁹ См. Адрианова В. П. К литературной истории Толковой Палеи. Киев. 1910 С. 26

²⁰ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. 1979 С. 12

Несомненно, в рассматриваемых фрагментах речь идет о письменной традиции. В дополнение к высказанному возражению против устного источника этой лексики заметим следующее. Историко-астрономическое исследование Д. О. Святского показывает, что, несмотря на упоминание планет в древнерусских рукописях, реально в Древней Руси были знакомы только с Венерой. Эмпирического знания о других планетах на Руси не было. «По крайней мере, нигде мы не нашли хотя бы отдаленных указаний на это: ни в фольклоре, ни в литературных памятниках, в том числе и в летописях», — отмечает Д. О. Святский.²¹ В таких условиях устная передача маловероятна. Характерно, что единственное восточное наименование, для которого можно предполагать устный путь, связано с Венерой. Это «чигирь», обозначающий у крымских и астраханских татар как планету, так и водоподъемный снаряд (очевидно, по признаку поднимания—опускания).²² Первоисточник слова Фасмер, вслед за Рамстедом, видит в персидском *zohre* (вопреки мнению А. И. Соболевского).²³ Слово «чигирь» в восточнославянских землях было довольно распространенным и отразилось даже в топониме: город Чигирин на Украине.

Подведем краткие итоги. Арабские наименования планет появились на Руси в XV в. На сегодняшний день они известны в двух авторитетных для Древней Руси памятниках — Златоусте и Краткой хронографической палее. Мнение о посредничестве османо-турецкого языка при попадании в язык староболгарский нам не представляется обоснованным, так как статья Златоуста на понедельник четвертой недели Великого поста формировалась на Руси, на Руси же была создана Краткая хронографическая палея. Нет также аргументов в пользу устного пути попадания этой лексики на Русь. Арабские названия попали письменным путем, вероятно, посредством какого-либо астрологического сочинения. Тексты, в которые были включены фрагменты с арабскими названиями, по составу своему традиционны и с астрологией не связаны. В этих контекстах роль арабизмов близка к декоративной.

Таковы некоторые наблюдения над двумя фрагментами XV в., своеобразным культурным срезом, отражающим особенности естественнонаучных представлений Древней Руси.

²¹ Святский Д. О. Очерки истории астрономии древней Руси // Историко-астрономические исследования М, 1962 Вып 8 С 38

²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка СПб, М, 1882 Т 4

С 603

²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М 1987 Т 4 С 359